

Нет автора

**Чтения в Обществе истории и древностей
российских при Московском университете.
Заседание 25 октября 1847г**

Книга 3

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Заседание 25 октября 1847г: Книга 3 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 362 с.

ISBN 978-5-4241-9931-8

ISBN 978-5-4241-9931-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О

ЗНАЧЕНІИ БОРМЧЕЙ

ВЪ

СИСТЕМЪ ДРЕВНЯГО РУССКАГО ПРАВА.

СОЧИНЕНІИ

Д. Ч. Н. Калацова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пользуясь нѣсколькими рукописными Кормчими для сличенія разныхъ списковъ Русской Правды и уставовъ о церковныхъ судахъ, я не могъ не остановиться и на другихъ статьяхъ, находящихся въ этихъ сборникахъ. Достаточно было, при указаніяхъ, разбѣянныхъ въ отличномъ библиографическомъ сочиненіи барона Розенкампа о Кормчей, одного внимательнаго просмотра бывшихъ у меня подъ рукою матеріаловъ, чтобъ убѣдиться, какъ много изученіе Кормчихъ можетъ способствовать къ объясненію нашего отечественнаго права. Въ этомъ убѣжденіи я выставилъ нѣсколько тезисовъ о значеніи Византійскаго элемента въ древнемъ Русскомъ законодательствѣ и помѣстилъ нѣкоторыя мысли съ тою же цѣлью въ моихъ изслѣдованіяхъ о Русской Правдѣ, а впоследствии рѣшился предложить первый опытъ моего ближайшаго знакомства съ Кормчими на судъ Гг. Членовъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Онъ былъ одобренъ, и теперь, благодаря одѣйствію Общества, я имѣю средства и возможность продолжать начатыя мною разысканія съ полнымъ усердіемъ, съ полнымъ вниманіемъ къ столь важному дѣлу. Между тѣмъ, сообщая мой предварительный трудъ во всеобщее вѣдѣніе, я осмѣливаюсь льстить себя надеждой, что и столичные знатоки и любители отечественныхъ древностей не оставятъ меня совѣтами, а кому возможно — доставленіемъ мнѣ матеріаловъ, относящихся къ моему предмету.

Д. Ч. Н. Калагозъ.

О

ЗНАЧЕНІИ КОРМЧЕИ

ВЪ

СИСТЕМЪ ДРЕВНЯГО РУССКАГО ПРАВА.

(Читано Февраля 28-го, 1817 года.)

Что въ древнемъ періодѣ Русской исторіи Кормчая имѣла значеніе и силу источника права въ судахъ церковныхъ и что иногда ея руководствовалась также свѣтская власть въ своихъ судебныхъ рѣшеніяхъ и при ихъ исполненіи, это не подлежитъ никакому сомнѣнію и уже не разъ было замѣчено многими изслѣдователями, хотя только мимоходомъ, неопредѣленно и почти безъ указанно¹. Между тѣмъ, если такое положеніе справедливо, то не вѣзъ при настоящей разработкѣ нашей исторіи и права оставить то безъ вниманія и не опредѣлить точнѣе посредствомъ примѣненія его къ извѣстнымъ началамъ нашего древняго законодательства и подтвержденія на основаніи тѣхъ же источниковъ, которыми и оно подкрѣпляется, ибо съ перваго взгляда можно уже убѣдиться, что подобное изслѣдованіе о Кормчихъ должно объяснить новую, вовсе нетронутую, сторону юридическаго быта нашихъ предковъ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько вопросовъ, любопытныхъ и важныхъ, возникаетъ само собою, какъ скоро мы предложимъ одинъ главный: какое-же значеніе и какую силу имѣла Кормчая, какъ источникъ права, въ нашей древней судебной практикѣ, канонической и свѣтской, и какое значеніе имѣетъ она теперь въ отношеніи къ тому-же времени, какъ памятникъ юридическій? — вопросъ, на который, очевидно, не лѣзя отвѣчать положительно безъ предварительнаго разрѣшенія еще слѣдующихъ: въ какой формѣ или редакціи и въ какомъ содержаніи или полнотѣ

слѣдуетъ признавать Кормчую источникомъ древняго Русскаго права? на какихъ данныхъ утвердилась ея юридическая сила въ нашемъ отечествѣ и какъ могла эта сила не только окрѣпнуть, но и развиться на нашей почвѣ, или: какимъ образомъ чужды нашимъ предкамъ догма Византійскаго права могла сдѣлаться у нихъ не только канономъ, но и живымъ, практическимъ источникомъ церковнаго и свѣтскаго судопроизводства? какъ соотносится Кормчая, въ значеніи источника права, съ другими источниками нашего законодательства въ то или другое время и какіе результаты произошли подъ вліяніемъ этого обоюднаго вѣдѣнія съ одной стороны для самой Кормчей, съ другой для туземнаго права? Но сколько вопросовъ болѣе частныхъ предполагаетъ опять каждый изъ изчисленныхъ!.. Не смотря однако на всю занимательность и важность подобныхъ изысканій, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ сознаться, что они не въ состояніи привести къ полнымъ, удовлетворительнымъ заключеніямъ безъ тѣхъ данныхъ, на которыхъ бы можно было основать довольно твердо и вѣрно тѣ или другіе выводы и которыя заключаются главнымъ образомъ въ содержаніи самихъ Кормчихъ, какъ непосредственной предметъ изслѣдованій; и потому, рѣшаясь сказать нѣсколько словъ о значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго права, я имѣю при этомъ единственною цѣлью показать, какъ необходимо для нашихъ историковъ и юристовъ подробное обзореніе отечественныхъ Кормчихъ и какъ важно было бы изданіе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ оригинальныхъ и переводныхъ статей этого драгоценнаго памятника — трудъ, какъ извѣстно, уже начатый незабвеннымъ барономъ Розенкампомъ, но; къ сожалѣнію, еще далеко не оконченный и ожидающій новыхъ усердныхъ дѣлателей.

Прежде нежели я буду говорить о собственномъ предметѣ настоящей статьи, постараюсь опредѣлить въ краткомъ обзорѣ юридическое значеніе духовенства въ Россіи и отношенія его къ свѣтской власти въ періодъ до Петра Великаго: это пояснитъ намъ характеръ и содержаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и практическое значеніе Кормчихъ, писанныхъ въ нашемъ отечествѣ.

Введеніе у насъ христіанской вѣры, заимствованной изъ Византіи, соединяется съ призваніемъ оттуда-же духовенства, которое должно было насадить и утвердить эту вѣру въ обширныхъ

уже предѣлахъ тогдашней Россіи. Такимъ образомъ пастыри Греческой Церкви, вмѣстѣ съ своими учениками изъ Болгаръ, съ самаго начала являются къ намъ въ довольно значительномъ количествѣ и образуютъ особое сословіе, увеличивающееся постепенно съ присоединеніемъ къ нимъ мало по малу новыхъ органовъ Церкви изъ числа туземныхъ жителей, ими воспитанныхъ и наученныхъ правиламъ вѣры. Это сословіе рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ сословій древней Руси и стоитъ высоко надъ ними. Возросшее въ догматахъ Византійской Церкви, утвержденныхъ неподвижно канонами Св. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и Св. Отцевъ, высоко образованное и основательно изучившее свѣтское подробно развитое право своего первобытнаго отечества въ той степени, какъ это было ему нужно для отношеній его къ гражданской власти, оно естественно должно было принести съ собою къ нашимъ предкамъ глубокое сознаніе о своихъ достоинствахъ и твердую волю неизмѣнно содержать и въ нашемъ отечествѣ свои уставы, а потому и развивать ихъ въ томъ же духѣ и сообразно Византійскому праву, которымъ оно было напитано. Но при этомъ воззрѣніи, что встрѣтило оно въ томъ народѣ, въ той странѣ, гдѣ ему суждено было отнынѣ жить и дѣйствовать? Не болѣе, какъ самыя сомнительныя начатки гражданственности: въ сферѣ государственной верховную власть, связанную съ подданными едва замѣтными, почти временными, узамъ подчиненія, за исключеніемъ дружинъ и городовъ, болѣе близкихъ къ князьямъ; въ сферѣ частной — бытъ родовой, въ которомъ еще не знаютъ ни отдѣльной недвижимой собственности, ни завѣщанія, ни наследства въ настоящемъ его значеніи; въ сферѣ уголовной — кровную месть, еще господствующую во всей силѣ отвергающую всякое понятіе о возмездіи со стороны верховной власти. Очевидно, что на такое положеніе вещей пришлое образованное духовенство должно было смотрѣть съ внутреннимъ недоуваніемъ и отвращеніемъ и такимъ образомъ даже считать обязанностію своей совѣсти внушать Великимъ Князьямъ, которые старались объ утвержденіи христіанской вѣры въ своихъ вѣствахъ, о внесеніи новыхъ началъ въ бытъ государственный, гражданскій и уголовный; самымъ же лучшимъ для того средствомъ оно должно было конечно признать то, чтобъ познакомить съ постановленіями и юридическимъ бытомъ своего прежняго отечества — Византійской Имперіи. Обстоятельства помогли ему

совершить это дѣло. Извѣстно, какое глубокое, живое и теплое сочувствіе возбуждаетъ христіанская вѣра въ душахъ новообращенныхъ язычниковъ, съ какимъ пламеннымъ рвеніемъ они готовы посвятить себя и свое имущество на служеніе одному Богу, съ какою охотою всѣ свои предпріятія и дѣйствія подчиняютъ высокому духу смиренія и благодати, оживотворяющему истинную религію. Св. Владиміръ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался христіаниномъ, пересталъ казнить разбойниковъ, „ибо, говорилъ онъ, боюсь грѣха“. Но еще другое событіе, въ высшей степени важное для нашего отечества, является въ тоже самое время въ подкрѣпленіе духовенства. Это развитіе дома Ярослава Великаго сначала въ семейство, а потомъ въ родъ, причемъ всѣ члены рода удерживаютъ большія или меньшія права на достояніе своего общаго предка. Не смотря однако на то, что всѣ они находятся въ общемъ родственномъ союзѣ между собою, что всѣ они составляютъ одно цѣлое въ отношеніи къ землѣ и подданнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ въ томъ и другомъ случаѣ проявляетъ и личную самостоятельность, ибо въ свою очередь самъ дѣлается отцемъ семейства, а впослѣдствіи и родоначальникомъ; на этомъ основаніи извѣстныя линіи получаютъ нѣкоторыя опредѣленныя области съ названіемъ *отчины* и слѣдоват. какъ бы въ постоянную собственность, которую нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно удерживаютъ за собою до самаго уничтоженія родового бытѣ въ домѣ Ярослава Великаго силою возникшихъ вновь государственныхъ отношеній. Такимъ образомъ каждый отдѣльный Князь, какъ скоро онъ истинно проникнутъ всеобъемлющимъ духомъ христіанской вѣры, стремится отдѣлаться къ осуществленію великой цѣли—вполнѣ утвердить ее въ своей области, а въ слѣдствіе этого весьма естественно приходитъ въ ближайшее соотношеніе съ ея органами—духовенствомъ, и вліяніемъ его болѣе или менѣе сознательно пользуется для улучшенія юридическаго быта своихъ подданныхъ, какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и въ примененіи ихъ отношеній къ своей власти. Таковы именно были: Святославъ Ярославичъ, сынъ его Глѣбъ и племянникъ Ярополкъ Изяславичъ Владиміръ Мономахъ, сынъ его Ярополкъ, Андрей Боголюбскій и множество другихъ. И вотъ, при такомъ общемъ стремленіи всѣхъ Князей древней Руси, согласныхъ между собою или враждующихъ, быстро, на всемъ ея пространствѣ, осуществляются одни и тѣ же явленія, которыя повсемѣстно возводятъ духовенство на степень одного изъ важнѣйшихъ органовъ юридиче-

ской дѣятельности въ различныхъ сферахъ общественнаго быта, и плоды этой дѣятельности передаютъ не только современному законодательству, но и отражаютъ ихъ чрезъ все историческое развитіе нашего отечества до настоящаго времени. •

Чтобъ лучше объяснить такое юридическое значеніе духовенства мы рассмотримъ съ одной стороны права, которыми оно пользовалось въ древней Россіи, преимущественно въ отношеніи къ судопроизводству, а съ другой — источники, которыми оно руководствовалось при осуществленіи этихъ правъ. Отсюда уже не трудно будетъ понять, какое именно вліяніе имѣло духовенство, какъ посредствомъ своей личной дѣятельности, такъ и посредствомъ своихъ источниковъ (*fontes juris canonici*) на свѣтское законодательство Россіи, и слѣдоват. какое было значеніе въ этой-же сферѣ одного изъ важнѣйшихъ собраній такихъ источниковъ, извѣстнаго подъ именемъ *Кормчей*.

Глубокое сочувствіе нашихъ* первыхъ Князей къ проповѣдникамъ христіанской вѣры и общее религіозное направленіе, кромѣ внѣшнихъ знаковъ отличнаго уваженія, доставляли часто духовенству не только возможность, но и право быть посредникомъ въ ихъ спорахъ и распряхъ², участвовать въ ихъ думахъ и совѣщаніяхъ, лично и письменно съ ними бесѣдовать о устройствѣ Государства и его управленіи, словомъ обо всѣхъ дѣлахъ общественныхъ³, и въ этой бесѣдѣ не только выхвалять Князя за сего добродѣтели, но также порицать за пороки и даже силою духовной власти связывать душу виновныхъ, отлучая ихъ отъ Церкви⁴. Но важнѣйшимъ правомъ въ сферѣ внѣшнихъ юридическихъ отношеній было, безъ сомнѣнія, право, которое получило духовенство владѣть не только богатою движимостью, не только десятинами отъ Княжескихъ доходовъ, но и недвижимою собственностью, населенными и ненаселенными землями, со всеми угодьями, притомъ владѣть ими въ значеніи *опичниковъ*, съ предоставленіемъ сверхъ того множества привиллегій, какія изъ прочихъ подданныхъ давались весьма немногимъ, а для духовенства мало по малу сдѣлались почти общимъ правиломъ⁶. Обозрѣвая только изданные матеріалы нашей древней исторіи, мы не можемъ не удивляться тому огромному количеству относящихся къ духовенству грамотъ, жалованныхъ и несудимыхъ, вкладныхъ и гарханыхъ, которыя наполняютъ въ изобиліи все извѣстныя собранія отечественныхъ актовъ и своею массою рѣшительно подавляютъ все другіе источники. Но сколько такихъ памятниковъ